

Д. Мережковский

Больная Россия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Д11

Д11 **Д. Мережковский**
Большая Россия / Д. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
270 с.

ISBN 978-5-458-54665-2

ISBN 978-5-458-54665-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

по сути до самых своих корней и последствий. Люди, которые не поклоняются «надчеловеческому», не идут «молиться в общий храм», утверждают лишь себя, могут соединиться лишь в безобразном быте, неблагородном и буржуазном по своему духу. Только осознание своего древнего и вечного происхождения делает людей людьми, кладет на их лица и быт человеческую печать справедливости и благородства.

Глядя на молодых стариков, интеллигентных постников, молокан-народников и федосеевцев-марксистов, Мережковский восклицает: «Милые русские юноши! Вы благородны, честны, искренни. Вы — надежда наша, вы — спасение и будущность России. Отчего же лица ваши так печальны, взоры потуплены долу? Развеселитесь, усмехнитесь, поднимите ваши головы, посмотрите черту прямо в глаза. Не бойтесь глупого старого черта политической реакции, который все еще мерещится вам то в языческой эстетике, то в христианской мистике. Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — менщанства и худшего из всех менщанств — хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам»³.

Столь подробная цитата понадобилась для того, чтобы, «предоставив слово» самому Д. С. Мережковскому, отказать в праве на существование различным импровизациям, запутывающим дело с «грядущим хамом». Конечно, всеобщая связь явлений подробно не доказывается самим Мережковским, но она является для него результатом «непосредственного созерцания» и художественно-творческого проникновения. Приложим ли такой метод к идеологической сфере? Да, конечно. Ведь при этом не умертвляется

³ Мережковский Д. С. Грядущий хам. С. 42—43 настоящего издания.

живая душа эпохи. Ведь в ней, как и во всяком целом, специфически эмоциональное органически сливается с бесконечным рядом других мотивов.

Итак, надо бояться. Впереди — темнота и страшные перспективы. А спасение только одно — в Боге. А к Богу нельзя прийти без Христа и нового религиозного сознания.

В свое время Библия нам поведала о том, что

Сыновья Ноя, вышедшие из Ковчега, были: Сим, Хам и Иафет...

Ной начал возделывать землю, и насадил виноградник.

И выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем.

(Бытие. IX глава)

Хам, увидя отца своего обнаженным, посмеялся над ним. Когда Ной проснулся и узнал, что сделал Хам, то лишил его родительского благословения и предсказал, что его потомки будут рабами.

За последние две тысячи лет своего существования человек не изменился ни морфологически, ни психофизиологически. В организме человека не появилось ни одного нового, важного и общего для всех людей признака, который позволил бы разделить человеческий род на предков и потомков. Не изменилось и сознание, менялись только его формы. Все, чем люди XX столетия отличаются от допотопного человека, — это отношение к культуре, ее наследию. Когда отбрасываются традиционные культурные нормы и взламываются установившиеся социальные связи, когда почему-либо образуется дефицит нравственности, из этого вакуума в жизнь выскакивает неандерталец. Тонкий слой культуры, прикрывающий омут варварства, мгновенно растворяется в выбросах фонтана углекислоты. Прорывы зоологического синдрома в социальную жизнь всегда носят катастрофический характер, а изощренное культивирование «классового чутья», «классового нюха» со-

здает эффект «классовой сущности», сформулированный (уже в 30-е годы) А. Кёстлером в его романе «Слепящая тьма».

«Не так страшен черт, как его малютки». Человек среди собак становится сам аки пес. А это уже катастрофа.

* *
*

«Разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме», — написал К. Маркс в 1843 г.⁴ Истинная же «глупость заключается не столько в отсутствии ума, сколько в его несоответствии с прочими свойствами души, главным образом с волею. Слишком большая воля при малом уме приводит к глупости»⁵. Эти слова можно было прочесть в первом номере «Русской мысли» за 1908 г. в статье Д. Мережковского «В обезьяньих лапах». И, всплеснув руками, российское общественное мнение ахнуло: «Как это? О чем это он?»

Вернувшись 11 июня 1908 г. после трехлетней эмиграции в Петербург, Д. Мережковский и З. Гиппиус с ужасом обнаружили полнейший хаос в интеллектуальной, духовной и религиозной жизни. Общая атмосфера, отягченная стремлением агрессивных групп молодежи разрушить все традиционные духовные и нравственные ценности, произвела на них самое отталкивающее впечатление. В России подрастало, по словам Н. Бердяева, «хулиганское поколение». Вакуум в интеллектуальной и духовной жизни Петербурга, Москвы, Киева стремительно заполнялся модернистскими (популистскими) идеями, восточной мистикой, пессимизмом и антиобщественными настроениями.

Ответом на происходящее послужило опубликование сборника публицистических статей под общим

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 380.

⁵ Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1914. Т. XVI. С. 11.

названием «Больная Россия», который поступил в продажу в книжные магазины Петербурга в начале января 1910 г.

«Что-то есть в русской жизни,— воскликнул Д. Мережковский,— чего уже нет или еще нет в русской литературе, в слове. Жизнь ушла в бессловесную глубь. Теперь то, что пишется, значительнее того, что печатается; то, что говорится,— того, что пишется, и, наконец, то, что умалчивается,— того, что говорится. Теперь,— что у кого болит, тот о том не говорит: сказать — язык не поворачивается, написать — рука не подымается, где уж тут печатать»⁶. Мы должны понять раз и навсегда, обратился он к думающей России, что «не Россия для революции, а революция для России».

Мережковский остро осознал, что никогда и нигде, как в России, не была опрокинута, «вывернута наизнанку» христианская истина о жизни. Все, что можно было сделать, сделано, чтобы доказать, что религия есть реакция, а революция есть антирелигия. И в этом, считал он, вина всеобщая: «Уж слишком долго принадлежала русскому правительству монополия христианства, „воды жизни“, вместе с водкою; слишком долго религия была кощунством — немудрено, что теперь, обратно, кощунство стало религией»⁷. Неужели не видно, что новая революционная казенщина такими же гнилыми нитками шьется, как и старая, церковно-государственная? Неужели не понимают, «что религия может быть, но может и не быть реакцией»⁸.

Да, не понимали. И это составляло главную трагедию не только Мережковского, но и времени, и страны.

Оба сборника — «Грядущий хам» и «Больная Россия» — не только источники сведений по вопросам религиозной, нравственной и политической жизни России первого десятилетия XX в. Они интересны и как выражение взглядов писателя и религиозного

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Там же. С. 107—108.

философа на время и тенденции общественного развития, взглядов, «погруженных» в жизнь и дух того времени. Не стоит упрекать Мережковского за то, что его взгляды и настроения выходили за пределы тех временных переживаний, которые были свойственны людям не их круга. Он заметил в общественной жизни много из того, что находилось за пределами сознания других. В этом его заслуга.

* *
*

О том, насколько верны или не верны были предчувствия и предсказания Мережковского и его сомышленников, читатель уяснит для себя, ознакомившись с извлечениями из дневника З. Н. Гиппиус-Мережковской под названием «Современная запись» (1914—1919 гг.), который Зинаида Николаевна считала утраченным безвозвратно. Ее суждения в иных случаях резки или категоричны, но они типичны для русской творческой интеллигенции тех лет. Можно сердиться на нее за это, но страсть этих суждений была направлена в конце концов на одно: помочь своему народу, своей России и ее свободе. В страшное для России время, в феврале 1918 г., накануне второй эмиграции она пишет свое последнее Нет:

Н Е Т

Она не погибнет,— знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколотятся,— верьте!
Поля ее золотые.
И мы не погибнем,— верьте!
Но что нам наше спасенье!
Россия спасется,— знайте!
И близко ее воскресенье⁹.

Культурный и нравственный кругозор Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус и тех людей, с которыми они «воевали», как будто отличается от культурного кругозора современного человека: иная эпоха, среда

⁹ Гиппиус З. Н. Последние стихи. 1914—1918. Пг., 1918. С. 66.

обитания. Но это — на первый взгляд. На самом же деле «на языке» у нашего времени — те же слова, в «воздухе» — те же идеи, в голове — те же мысли и ожидания. И читатель сам обнаружит, «что человечество не начинает *новой* работы, а сознательно осуществляет свою старую работу»¹⁰.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 381.

*Посвящается
Дмитрию Владимировичу
Философову*

Д. С. Мережковский

ГРЯДУЩИЙ ХАМ *

Избранные статьи

* Печатается по: М е р е ж к о в с к и й Д. С. Грядущий хам.
СПб., 1906.

ГРЯДУЩІЙ ХАМЪ

Д. МЕРЕЖКОВСКАГО

ГРЯДУЩИЙ ХАМ

I

„Мещанство победит и должно победить,— пишет Герцен в 1864 г. в статье „Концы и начала“.— Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что *мещанство — окончательная форма западной цивилизации*“.

Трудно заподозрить Герцена в нелюбви к Европе. Ведь это именно один из тех русских людей, у которых, по выражению Достоевского, „две родины: наша Русь и Европа“. Может быть, он сам не знал, кого любит больше, Россию или Европу. Подобно другу своему Бакунину, он был убежден, что последнее освобождение есть дело не какого-либо одного народа, а всех народов вместе, всего человечества, и что народ может освободиться окончательно, только отрекаясь от своей национальной обособленности и входя в круг всечеловеческой жизни. „Всечеловечество“, которое у Пушкина было эстетическим созерцанием, у Герцена, первого из русских людей, становится жизненным действием, подвигом. Он пожертвовал не отвлеченно, а реально своей любви к Европе своей любовью к России. Для Европы сделался вечным изгнанником, жил для нее и готов был умереть за нее. В минуты уныния и разочарования жалел, что не взял ружья, которое предлагал ему один работник во время революции 1848 года в Париже, и не умер на баррикадах.

Ежели такой человек усомнился в Европе, то не потому, что мало, а потому, что слишком верил в нее. И когда он произносит свой приговор: „я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего“, когда утверждает, что в дверях старого мира — „не Катилина, а смерть“, и на лбу его цicerоновское: „vixerunt“ *, — то можно не принимать этого приговора, — я лично его не принимаю, — но нельзя не признать, что в устах Герцена он имеет страшный вес.

В подтверждение своих мыслей о неминуемой победе мещанства в Европе Герцен ссылается на одного из благороднейших представителей европейской культуры, на одного из ее „рыцарей без страха и упрека“, на Дж. Ст. Милля.

„Мещанство, — говорит Герцен, — это та самодержавная толпа *сплоченной посредственности* (conglomerated mediocrity) Ст. Милля, которая всем владеет, — толпа без невежества, но и без образования... Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает; с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паусной икры, сжатой из мириад мещанской мелкоты... Он вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния. Милль прямо говорит, что по этому пути Англия сделается Китаем, — мы к этому прибавим: *и не одна Англия*“.

„Может, какой-нибудь кризис и спасет от китайского маразма. Но откуда он придет, как? — этого я не знаю, да и Милль не знает“. „Где та могучая мысль, та страстная вера, то горячее упование, которое может закалить тело, довести душу до судорожного ожесточения, которое не чувствует ни боли, ни лишений и твердым шагом идет на плаху, на костер? Посмотрите кругом, — что в состоянии поднять народы?“

„Христианство обмелело и успокоилось в покойной и каменистой гавани реформации; обмелела и ре-

* Их уже нет в живых (лат.). — Здесь и далее перевод С. Н. Савельева.